

3 Искаков, К. Возвращение / К. Искаков // Не ведая границ : сб. произв-й писателей Беларуси и Казахстана / сост. Алесь Бадак. – Минск : Изд. дом «Звезда», 2013. – С. 69–79.

4 Сцяпан, У. А. Адна капейка : кніга прозы / Уладзімір Сцяпан. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2012. – 224 с.

5 Алланазаров, А. Мать / А. Алланазаров // Святая любовь : сб. произв-й писателей Беларуси и Туркменистана / сост. Алесь Бадак. – Минск : Изд. дом «Звезда», 2013. – С. 27–31.

О. А. ЛИДЕНКОВА
(Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины)

МОТИВ ВИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В статье в компаративном аспекте рассматриваются способы художественной реализации мотива вины в произведениях современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов. На материале романов А. Федоренко, К. Исигуро, Д. Фурутани, А. Наварича и других рассматриваются варианты как деструктивной, так и конструктивной трансформации данного мотива в рамках литературного произведения. Выявляется связь данного мотива с понятием исторической травмы, прослеживаются сходства и различия в интерпретации вины различными авторами.

Мотив вины в современной исторической прозе является одним из наиболее распространенных способов художественного отражения проблем и катастроф национального прошлого. Он связан с целым комплексом сюжетов, в своем большинстве произрастающих из прошлого опыта, который большинством представителей данного общества воспринимается как травматичный. Большинство исследователей данного мотива в литературе отмечают его особенную актуальность в произведениях, посвященных осмыслению трудных и переломных событий истории [1, с. 4].

На материале художественных текстов данная тема достаточно широко изучалась в русской литературе. Это работы М. М. Бахтина, А. Белого, Я. С Билинкиса, В. Е. Ветловской, В. Иванова, Ю. М. Лотмана, а также исследования историков русской философии (А. И. Бродского, А. Ф. Замалева, А. А. Ермичева, В. С. Никоненко). Британские литературоведы также в последнее время уделяют внимание данной теме как в рамках исследования определенного периода, так и при изучении творчества определенных авторов: “The Birth of Liberal Guilt in the English Novel: Charles Dickens to H.G. Wells”, “Troubling Confessions: Speaking Guilt in Law and Literature” Д. Борна, “Wandering through Guilt: The Cain Archetype in the Twentieth-Century Novel” П. ди Дженнаро, “Post 9/11 Fiction as Trauma Narrative: Jonathan Safran Foer and Others”. При этом в белорусском литературоведении тема и мотив вины, как правило, не выделяются в самостоятельную проблему, что и обуславливает актуальность данной статьи.

Целью данной работы является выявление художественных средств и контекста реализации мотива вины в произведениях современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов.

Мотив потери, та самая “enigma of loss” в художественном изображении исторической травмы, как отмечает камерунский философ и политолог А. Мбембе, неизменно “осложняется” ощущением вины, реализацией того, что мы сами позволили

поставить себя в ситуацию жертвы: “have allowed themselves to be duped, seduced, and deceived” [2, с. 35]. Подобное понимание современной ситуации звучит в прозе А. Наварича, В. Мажилковского, В. Казько и многих других авторов “Самі сабе здрадзілі, круцілі хвастом, а потым яшчэ і крычаць: нас захапілі, нас згвалтавалі!” [3, с. 52], “Бабуля, а чаму цяпер крыж знайсці ня могуць? – спытала дзяўчынка. – Хто ж яго ведае, дзетка? Можна, мы сваёй нядбайнасьцю да зямлі, да сваёй мовы, да Бога, да веры нашай старадаўняй угневалі сьвятую” [4], “Дзе нашая нацыянальная вартасьць і годнасьць, ці ёсьць у нас, я ўжо не кажу – гістарычная, хаця б кароценькая, аднадзённая памяць? Самі мы страцілі, выракліся яе. Ці нам дапамаглі?” [5].

Мотив вины проводят в своих произведениях англоязычные писатели японского происхождения, как определяющая национальная черта она выведена в романах К. Фурутани, герои которого через сомнения и потери осознают свою идентичность: “You’re Japanese,” Yoshida said. “You should know that Japanese have a compulsion to apologize, sometimes even when they haven’t done anything wrong” [6, с. 113]. С недостойством потомков и Божьим гневом связывают свою амнезию персонажи Исигуро: “Perhaps God’s so deeply ashamed of us, of something we did, that he’s wishing himself to forget. And as the stranger told Ivor, when God won’t remember, it’s no wonder we’re unable to do so” [7, с. 108]. Таким образом, это уже не только вина жертвы, иррационально винящей себя за непричастность чужим страданиям, но вина соучастников.

Особенно сильно этот мотив проявляется в произведениях с параллельными сюжетами, где потомки чувствуют ответственность за настоящее и будущее, которое они потеряли из-за своего бездействия и незнания. Возможно, поэтому, как способ преодолеть, искупить это незнание, практически все исторические “параллельные” романы имеют детективную составляющую, связанную с расследование преступлений прошлого, восстановлением истины и поиском настоящих виновных (произведения Д. Фурутани, Л. Рублевской, С. Сент Джеймс, А. Аркуша, В. Мажилковского других).

Историческое невежество, как отмечают многие белорусские писатели, может иметь и более серьезные последствия. Не случайна характерная для белорусских текстов трансформация мотива иноземных захватчиков, например, неожиданное перерождение хрестоматийных образов фашистов у Казько: “А немцаў ужо няма. Тыя колішнія, даўно сплылі. Сёння вакол усе немцы толькі свае” [8, с. 5]. Авторы сами объясняют свои достаточно прозрачные аналогии: мы “перакінуліся ў ворагаў сапраўдных – ворагаў самім жа сабе, нашчадкам сваёй будучыні. Прасьцей кажучы, нашае айчыннае народнае самаедства перайшло, пераўтварылася ў канібальства” [5].

Тот же мотив братоубийства, каннибализма несложно заметить в уже описанных взаимоотношениях “родина – человек”. В этом мотиве проявляется травма национального раскола как наследие исторически разделенной территории страны, так и политики “разделяй и властвуй” многочисленных захватчиков, которые использовали в своих целях существовавшие на Беларуси внутренние противоречия. Именно эту сторону проблемы исследуют авторы многочисленных в последнее время произведений, посвященных кампании Наполеона 1812 года (“Год 1812” З. Дудюк, “1812” В. Садовского, “Гульня” С. Белояра, “Сны імператара” В. Орлова).

А. Аркуш идет еще дальше и использует максимальное воплощение инаковости – образ марсиан, символическое отображение чуждости народа своей культуре, когда люди ведут себя не как хозяева, но как туристы в собственной стране. Потеря языка (красноречивая немота инопланетян), агрессия против своих (архитектурных, материальных) памятников находит логическое завершение в образе сумасшедшего дома, где заканчивается “экскурсия”: “Марсіяне пачалі фатаграфаваньне на тле гэтых вартых жалю руінаў былой сьвятыні. Прычым усё рабілі моўчкі, ніводнага гуку не было чуто. Затым яны пратаранілі нейкай дзіўнай <...> баявой машынай браму вар’ятні, і шыхты марсіянаў пачалі зьнікаць за плотам псыхіятрычнай лякарні” [9, с. 123].

Ощущение отторжения своей страной может оформляться в чувство вины, прежде всего связанное с давлением общества на тех, кто не принимает или не вписывается в удобную версию истории. Общественные механизмы психологической защиты обвиняют саму жертву: “It suits him to attribute everything I’ve done to... a state of mental breakdown, because then he doesn’t have to ask himself any awkward questions. Like why he agrees with me about the war and does nothing about it.” [10, с. 31].

У белорусских авторов персонажи объявляются ненадежными “врагами народа”, у британских – сумасшедшими и морально слабыми вырожденцами: “This would have been easier if he could have believed, as Lewis Yealland, for example, believed, that men who broke down were degenerates whose weakness would have caused them to break down, eventually, even in civilian life” [10, с. 114].

Психиатрический диагноз используется как эфетивное средство дискредитации любого свидетеля, который при этом сталкивается с отторжением на всех уровнях – семейном, общественном, и, в конце концов, словно исчезают: “Dad wants to put him in a hospital.” She forced the words out <...> They’re ashamed of me and Uncle Van both” [11, с. 233]. Целое поколение может быть незаметно вычеркнуто из памяти: пережившие битвы на Сомме и Марне солдаты в романах П. Баркер, С. Сент Джеймс, жертвы репрессий у А. Федоренко и Л. Рублевской.

Парадоксально, но сами жертвы начинают презирать и ненавидеть друг друга, но не искать реальные причины кризиса:

– Look, you might like to think it’s one big happy family out there, but it’s not. They despise each other

– You mean you despise yourself [10, с. 50].

Желание героев доказать государству свою ценность, заслужить одобрение, принимает патологические, нереалистичные формы, например, в описании раненых офицеров: “He’s in a – what I suppose I ought to call a mental hospital. Given present company. The awful thing is he’s got some crazy idea he didn’t do well enough” [10, с. 118]. То же самое мы видим в образах интернированных персонажей романов Д. Фурутани, где вместо того чтобы винить американцев за расизм, они винят себя и свою бывшую родину: “Most of those Japanese had been in the American camps in World War II. Instead of blaming the American government for putting them in the camps, a lot of them were just as mad at Japan for starting the war” [6, с. 81]. И они же массово записываются в добровольцы, чтобы доказать преданность стране, которая их предаёт.

Стыд и вина неразрывно связаны как с болезненным переживанием прошлых неудач, так и с бесправностью и обесцениванием человеческой жизни. При этом особую чувствительность авторы проявляют в отношении невозможности сохранить достоинство даже там, где это должно происходить по умолчанию: “А мо ён проста многага патрабуе ад савецкіх дактароў? Ды не, элементарнага — чалавечнасці” [12, с. 379].

Именно этому аспекту национального исторического опыта большое внимание уделяется в творчестве Л. Рублевской, когда ни таланты, ни статус, ни заслуги не гарантируют безопасности и уважения прав героя: “Лёдніка і Пранціша перастрэлі па-нахабнаму, проста перад прафесарскім домам” [13, с. 133].

Ощущением полной бесправности и беспомощности вытекает и из памяти политических репрессий, знания того, что в любой момент привычное существование может быть разрушено, причем безо всякой вины героя: “Мікалай Платонавіч цёгся да машыны, як пабіты сабака. Дзіка вось так, ні з таго ні з сяго – узяць і загубіць ні ў чым не вінаватых яшчэ зусім смаркатых хлапчукоў” [4]. Этот же мотив виден в пронизывающем текстах постоянном ожидании, ощущении опасности, непредсказуемости беды или смерти (независимо от того, какой исторический период описывает втор): “У такіх справах як ні гадай – не ўгадаеш, як ні чакай – атрымаецца нечакана. Прыехалі па яго днём, у самую рабочую пару” [12, с. 391].

Протест против перенесенного унижения присутствует у П. Баркер и С. Сент-Джеймс в описании госпитализированных солдат, которые должны носить в городе специальный знак пациентов психиатрической клиники, при этом никто даже не упоминает о их военных подвигах и заслугах. Намеренное унижение – одна из первых характеристик лагерной жизни, о которой говорят в своих воспоминаниях интернированные герои Д. Фурутани: “Well, for instance, the toilets had no doors on them. They were just open-faced stalls, with one side open up for everyone to see. The government wouldn’t provide materials for doors” [6, с. 79].

Цель подобных сюжетов – продемонстрировать разрушительность постоянного подавления чувства личного достоинства как для психики отдельного человека, так и для формирования здоровых общественных отношений в масштабах всего народа: “It was humiliating <...> It was things like that. Little indignities that chipped away at the kind of family we had before the war” [6, с. 79].

Таким образом, в прозе как белорусских, так и англоязычных авторов присутствуют многочисленные свидетельства деструктивного влияния условно забытых, “неудобных” периодов прошлого на современное общество, которые нередко в рамках литературного произведения оформляются в мотив вины.

Особая значимость темы вины в современной прозе обусловлена целым комплексом факторов, такими как кризис национальной и личной идентичностей, нестабильность социальной ситуации, поиск новых ролевых моделей и способов реакции на привычные проблемы.

Данный мотив авторами может развиваться как деструктивный, когда эмоционально непрожитые моменты сковывают, мешают героям и целому народу реализовываться и развиваться, а довлеющее иррациональное ощущение ответственности потомков за исторические поражения ведет к пассивности, безучастности и деградации. Основная стратегия преодоления такой ситуации – разрушение негативных стереотипов о себе и собственном народе, в том числе через новую интерпретацию привычного понимания национальной истории. Осознание, проработка, озвучивание травматичных воспоминаний нередко производится на основе диалогичных параллельных сюжетов, своеобразной вневременной площадки, нулевой точки, где сходятся прошлое и настоящее, а разные поколения могут вернуться к ошибкам и трагедиям прошлого, по-настоящему пережить их, примириться с прошлым и простить как себя, так и своих предков за их ошибки. Приятие, примирение – основные условия преодоления негативных последствий исторических катастроф.

Список использованной литературы

1 Иванова, Н. В. Проблема вины в русской этической мысли : на материале русской художественной литературы XIX века : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Н. В. Иванова. – СПб, 2006. – 178 с.

2 Mbembe, A. The Colony: Its Guilty Secret and Its Accursed Share / A. Mbembe // Terror and the Postcolonial / Ed. by E. Boehmer, S. Morton. – Malden : Wiley-Blackwell, 2010. – P. 27–54.

3 Наварыч, А. Літоўскі воўк: гістарычны раман / А. Наварыч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2005. – 283 с.

4 Казакоў, В. Крыж Еўфрасіньні. Апавяданьне / В. Казакоў // Дзеяслоў [Электронны рэсурс] – 12.24.2013. – Рэжым доступа : <http://dziejaslou.by/old/www.dziejaslou.by/inter/dzeja/dzeja.nsf/htmlpage/kazak4302ec.html?OpenDocument>. – Дата доступа : 10.10.2018.

5 Казько, В. Зазірнуць у вочы свайму “Я” : апавесць / В. Казько // Дзеяслоў [Электронны рэсурс]. – 12.24.2013. – Рэжым доступа :

<http://dziejaslou.by/old/www.dziejaslou.by/inter/dzeja/dzeja.nsf/htmlpage/kaz2902ec.html?OpenDocument>. – Дата доступа : 10.10.2018.

- 6 Ishiguro, K. The Buried Giant / K. Ishiguro. – London : Faber & Faber, 2015. – 300 p.
- 7 Казько, В. Час збіраць косці Аповесці / В. Казько. – Мінск : Кнігазбор, 2014. – 340 с.
- 8 Аркуш, А. Захоп Беларусі марсіянамі. Раман / А. Аркуш. – Полацк: «Полацкае ляда», 2016. – 263 с.
- 9 Barker, P. Regeneration / P. Barker. – London : Penguin Books Ltd, 1991. – 256 p.
- 10 St. James, S. The Broken Girls / S. St. James. – London : Penguin, 2018. – 336 p.
- 11 Furutani, D. Death in Little Tokyo / D. Furutani. – London : St. Martin's Paperbacks, 1997. – 211 p.
- 12 Федарэнка А. Нічыё / А. Федарэнка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2009. – 430 с.
- 13 Рублеўская, Л. І. Авантуры студыёзуса Вывіча: раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск : Звязда, 2014. – 320 с.

І. А. ХОРСУН

(г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны)

ЛІТАРАЛЬНЫЯ ЭКВІВАЛЕНТЫ Ў ПЕРАКЛАДАХ САНЕТАЎ ШЭКСПІРА РЫГОРАМ БАРАДУЛІНЫМ

У артыкуле аналізуецца пераклады на беларускую мову паасобных санетаў У. Шэкспіра, зробленыя ў мінулым стагоддзі Рыгорам Барадуліным. Шляхам параўнальна-супастаўляльнага аналізу беларускамоўных перакладаў з арыгінальнымі тэкстамі санетаў паказаны агульныя і адметныя рысы, уласцівыя розным школам паэтычнага перакладу, вылучаны асаблівасці раскрыцця пераствораных вобразаў, а таксама ступень блізкасці перакладаў да арыгінальнага тэксту.

Рыгор Барадулін – самабытная і арыгінальная індывідуальнасць па сіле мастацкага дару і па значнасці напісанага. У паэта свой голас у паэзіі, сваё бачанне свету, свой паэтычны слоўнік. Ягоная творчасць адметная перш за ўсё народным светаадчуваннем, арганічным спалучэннем міфалагічнай і фальклорнай паэтыкі, ёмістай разняволенай моватворчасцю, эмацыянальна-стылявой разнастайнасцю. Агульнапрызнана, што народны паэт – «кароль метафары» [1, с. 5], непераўзыхадны майстар метафарычнага стылю ў сучаснай беларускай паэзіі. Рыгор Іванавіч – не толькі крытык, перакладчык, грамадскі дзеяч, ён асветнік, падвіжнік, які ўсё сваё жыццё ствараў падмурак для таго, каб жыла беларуская мова, культура, сама краіна Беларусь. Ён пакінуў пасля сябе вялікую творчую спадчыну – спадчыну слова і памяці. Пры ягоным жыцці ў свет выйшла каля 100 зборнікаў вершаў. Акрамя таго, Р. Барадулін займаўся шматлікімі перакладамі з замежных моў, пісаў эсэ, крытычныя артыкулы і г.д.

Багаты ўнутраны свет паэта, ягонае адчуванне наваколля, пачуцці, мары – усё гэта ўвасабілася ў радках твораў Рыгора Барадуліна. Характарызуючы яго адметнасць падыходу да перакладчыцкай дзейнасці, М. Скобла ў прадмове да біяграфіі Р. Барадуліна ў анталогіі «Галасы з-за небакрыю» пісаў: «Што цікава, усе без выключэння паэты – і вечна натхнёныя сярэднеазіяцкія акыны, і лужыцкія будзіцелі, і шматлікія братнія баяны, і баснікі з-пад пяра перакладчыка лёгка ставалі на крыло, шчодро апераныя часам падазрона не ўласцівымі ім ад нараджэння метафарамі. Ніводнага паэта ён не пакінуў у бязвобразных рызманах, апрануў як мог» [2, с. 235]. Асобная кніга перакладаў Р. Барадуліна «Кахаць – гэта значыць...» [3] выйшла ў 1986 годзе; у яе ўваходзяць пераклады з польскай (А. Міцкевіч, Ул. Бранеўскі), сербалужыцкай (Я. Барт-Цішыньскі), англійскай (У. Шэкспір, Дж.Г. Байран, П.Б. Шэлі,